

мысль об укреплении самодержавной вертикали не покидала монарха. Региональное руководство рассматривалось им как продолжение его личной власти. При этом, несмотря на провал данной попытки преодолеть разобщённость ведомств на местах, эксперименты с наместничествами в 1816–1827 гг. дали ценный управленческий опыт, пригодившийся впоследствии на окраинах империи. При Александре I оформился вектор дальнейшего развития самодержавной административной системы, определивший направление её дальнейшего реформирования. Об этом свидетельствовали перестройка структуры центрального управления, изменение законотворческой процедуры, укрепление основ единоначалия и, наконец, цементирование вертикали власти в целом.

Книга Л.Ф. Писарьковой представляет правление Александра I как эпоху яркого реформаторского творчества, активным участником которого являлся сам император. Несмотря на войны, проникновение новых для русского общества либеральных идей, различные внутривластные затруднения, самодержавие показало свою жизнеспособность и возможность саморегуляции. Консерватизм высшей бюрократии, отсутствие развитых гражданских институтов, низкий уровень правовой культуры сводили на нет возможность реализации отдельных, зачастую радикальных проектов модернизации политического строя России. Несмотря на несомненную осведомлённость об альтернативных, либеральных путях преобразований, Александр I и его окружение

по-прежнему отдавали предпочтение более привычным, проверенным командно-административным методам. Они были убеждены, что ослабление центральной власти крайне опасно для страны с огромной территорией, многонациональным населением, неравномерным развитием регионов. Л.Ф. Писарькова убедительно показала, что несмотря на все искушения либеральными идеями, Александр I сумел сдержать дестабилизирующие процессы и позволил осуществить на практике именно те реформы, которые укрепляли империю. Это было ответственное решение главы государства, убеждённого, что для альтернативы самодержавию время ещё не наступило.

А.С. Минаков

Примечания

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. СПб., 1998. С. 20.

² См., например: *Шепелёв Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 2001. С. 68–76.

³ *Минаков А.С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Чернозёмного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орёл, 2011. С. 195–301.

⁴ См. также: *Мещерякова А.О.* Ф.В. Ростоппин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 227; *Ремнёв А.В.* Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 145–146.

* * *

Новая книга известной исследовательницы, доктора исторических наук Л.Ф. Писарьковой посвящена анализу реформ государственного управления в России на протяжении всего царствования Александра I. Поскольку, несмотря на обширную историографию, специальные работы, в которых эти преобразования рассматривались бы как целостный процесс, отсутствуют, актуальность данного труда не нуждается в доказательствах. При этом

автор оправданно стремится уйти от фрагментарности в освещении российской истории первой четверти XIX в., преувеличенной оценки роли отдельных личностей той эпохи (прежде всего М.М. Сперанского и А.А. Аракчеева) и, напротив, преуменьшения участия самого императора в разработке и проведении правительственной политики. Монография построена по хронологическому принципу, но вместе с тем особое внимание в ней уделяется

наименее изученным мерам и замыслам 1803–1809 и 1912–1915 гг. В приложениях помещены извлечения из редких печатных изданий и таблицы, содержащие сведения о бюджете России в 1809–1825 гг., возрасте правящей элиты империи, распределении губерний по генерал-губернаторским округам (1818–1824), поездках Александра I и т.д. (с. 387–417).

Исследование реформ Александра I фактически продолжает всестороннее освещение бюрократической системы России, начатое Л.Ф. Писарьковой в её предыдущей работе, где охвачен период с конца XVII до конца XVIII в.¹ Неудивительно, что события первой четверти XIX в. рассматриваются автором в тесной связи с реорганизацией правительственного аппарата в царствования Екатерины II и Павла I. Широкий взгляд на историю государственных институтов Российской империи позволяет Л.Ф. Писарьковой пересматривать представления, устоявшиеся (зачастую без достаточного на то основания) в современной историографии. Так, она обращает внимание на то, что Государственный совет был учреждён в марте 1801 г., а вовсе не в 1810 г., как указывается в ряде учебных и справочных изданий (с. 33–39)². Путаница эта возникла ещё в конце XIX в., однако тогда высокопоставленным сановникам правильный ответ казался очевидным. Так, 19 февраля 1901 г. А.А. Половцов оставил в дневнике запись о своём разговоре с вел. кн. Михаилом Николаевичем: «Великий князь спрашивает моё мнение о том, когда правильнее праздновать столетний юбилей Государственного совета: в нынешнем или в 1910 году. Я отвечаю, что не допускаю никаких об этом сомнений. Важно то, что император Александр тотчас по вступлении на престол не счёл возможным царствовать, не имея Совета, который с первого дня существования был назван Государственным. Через девять лет последовало organizatione Совета в формальном делопроизводственном отношении, но это был факт второстепенный»³. Такой же точки зрения, по словам Половцова, ещё в 1900 г. придерживался и сам великий князь, и Н.К. Шильдер⁴. Тем самым книга Л.Ф. Писарьковой в каком-то смысле восстанавливает нарушенную в

середине XX в. преемственность взглядов на историю высшего законосовещательного органа империи.

Не менее важно и то, что автор отказывается от представления о «реакции», будто бы наступившей в правительственной политике в конце царствования Александра I. «После 1820 г., – пишет Л.Ф. Писарькова, – прекратилась разработка планов всеобщего государственного переустройства, будораживших общественное мнение и вселявших неоправданные надежды на проведение кардинальных преобразований во всех сферах жизни страны. Реформы продолжались, но в отличие от предыдущего периода реформаторы стали более осмотрительными, замыслы более конструктивными, а их реализация определялась словом “постепенность”» (с. 381). С этим нельзя не согласиться. Другое дело, что современниками подобный поворот мог восприниматься по-разному.

Проделанная Л.Ф. Писарьковой работа станет надёжной основой для дальнейшего изучения как государственного управления и русского чиновничества, так и политической борьбы первой четверти XIX в., многие детали и обстоятельства которой ещё не ясны. К примеру, среди черновых бумаг Н.Н. Новосильцева сохранился документ, согласно которому первоначально Министерство народного просвещения предполагалось назвать «Министерством воспитания юношества, народного просвещения и распространения наук и художеств», первым его министром должен был стать гр. П.А. Строганов, а вице-министром («в пособие» министру) – кн. А. Чарторыйский⁵. Подобный замысел вполне соответствовал тому значению, которое придавали просветительской деятельности члены Негласного комитета и лично Александр I, но не совсем понятно, что именно заставило их изменить свои планы (а вместе с ними и сам характер нового ведомства, поскольку возглавивший его в результате гр. П.В. Завадовский не пользовался особым доверием монарха и не смог придать самостоятельное значение своей должности).

Специального рассмотрения требует и личный состав правительственного ап-

парата. Необходимо установить не только соотношение на различных его уровнях лиц, получивших образование того или иного типа (домашнее и систематическое, военное и гражданское, отечественное и зарубежное), но и само содержание этого образования – круг чтения, приобретённые навыки и проч. Следует учитывать и профессиональный (служебный) опыт чиновников, а именно – на каких должностях, в каких ведомствах и какие именно обязанности они исполняли. Всё это не могло не влиять на их кругозор и административную практику.

Особый интерес вызывают, конечно, политические группировки и кланы конца XVIII – начала XIX в. – их формирование, состав (и его изменения), взаимоотношения между собой и с императором. Ведь очевидно, что составители многочисленных проектов и реформаторских планов, работая над ними, думали не только об «общем благе», но и о реальной расстановке сил при дворе и в правительстве. Осуществление (или свёртывание) едва ли не каждой из обсуждавшихся мер усиливало одних и ослабляло позиции других. В источниках это отражается зачастую довольно глухо и неполно. Однако вне контекста этой не прекращавшейся

борьбы едва ли получится осмыслить и реформаторское творчество того времени. Л.Ф. Писарькова сообщает немало ценных сведений о группировках первой четверти XIX в. и их лидерах (кн. Н.И. Салтыков, Д.П. Трошинский, гр. В.П. Кочубей и др.), но данный сюжет требует, пожалуй, отдельного изложения.

В целом, нельзя не признать, что монография Л.Ф. Писарьковой открывает перед исследователями государственного управления Российской империи новые и весьма заманчивые перспективы.

А.М. Феофанов

Примечания

¹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007.

² В своё время об этом писал М.М. Сафонов: Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 86–87.

³ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб., 1914. С. 276–277.

⁴ Там же.

⁵ Архив СПБ ИИ РАН, к. 115, оп. 1, д. 1186, л. 4 об.

М.А. Бабкин. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 920 с., ил.

Новая книга М.А. Бабкина – более чем вдвое расширенное издание прежней его монографии, вышедшей в 2007 г. Свыше 600 страниц в ней занимает авторский текст и ещё 300 – разного рода приложения и иллюстративный материал. Среди них документы, формулы поминовения властей за богослужением, карты, списки епархий и иерархов, различные указатели и многое другое, но почему-то отсутствуют библиография и список использованных источников (за исключением перечня публикаций самого автора (с. 915–918)). В книге развивается тот же взгляд на характер государственно-церковных отношений в России в начале XX в. и особенно в первые месяцы революции 1917 г., который хорошо известен по предшествующим работам М.А. Бабкина, вызвавшим в

своё время немало откликов (с. 907–909). По его мнению, нервом взаимоотношений Церкви и государства в Российской империи являлась «проблема “священства-царства”» (с. 20), т.е. спор о духовном и политическом превосходстве власти царя или священноначалия. Во времена патриарха Никона и царя Алексея Михайловича подобный конфликт действительно имел место. Патриарх, настаивавший на том, что священство выше царства, потерпел поражение, его идеи были осуждены и позднее не находили приверженцев среди русской иерархии. Однако для Бабкина существование аналогичного «харизматического соперничества» между царём и епископатом на рубеже XIX–XX вв. является основополагающей аксиомой, не требующей доказательств. Между тем столь сме-